

М. ПРИШВИН

ЯРИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М. ПРИШВИН

ЯРИК

РАССКАЗЫ

Москва
«Детская литература»
1978

Обложка
А. Лаптева

Рисунки
Е. Чарушина

ЯРИК

На вырубке вокруг старых чёрных пней было множество высоких, ёлочкой, красных цветов, и от них вся вырубка казалась красной, хотя гораздо больше тут было иван-дамарьи — цветов наполовину синих, наполовину жёлтых. Во множестве тут были тоже и белые ромашки, звонцы, синие колокольчики, дядовое кукушкино платье — каких-каких цветов не было! Но от красных ёлочек, казалось, вся вырубка была красная. А возле чёрных пней можно было ещё найти переспелую и очень сладкую землянику. Летним временем дождик совсем не мешает, я пересидел его под ёлкой; сюда же, в сухое место, собрались от дождя комары, и как ни дымил я на них из своей грубки, собаку мою Ярика они очень мучили. Пришлось развести грудок, как у нас называют костёр. Дым от еловых шишек повалил очень густой, и скоро мы выжили комаров и выгнали их на дождик. Но не успели мы с комарами расправиться, дождик перестал. Летний дождик — одно только удовольствие.

Пришлось всё-таки под ёлкой просидеть ещё с полчаса и дожждаться, пока птицы выйдут кормиться и дадут по росе свежие следы.

Так мы вышли на красную вырубку, и, сказав: «Ищи, друг!», я пустил своего Ярика.

Часто я с завистью смотрю на нос своего Ярика и думаю: «Вот если бы мне такой аппарат, вот побежал бы я на ветерок по цветущей красной вырубке и ловил бы и ловил интересные мне запахи!»

— Ну, ищи же, гражданин! — повторил я своему другу.

И он пустился кругами по красной вырубке.

Скоро на опушке Ярик остановился под деревьями, крепко обнюхал место, искоса очень серьёзно посмотрел на меня, пригласил следовать: мы понимаем друг друга без слов. Он повёл меня за собой очень медленно, сам же уменьшился на ногах и очень стал похож на лисицу.

Так мы пришли к густой заросли, в которую пролезть мог только Ярик; но одного его пустить туда я бы не решился. Один он мог увлечься птицами, кинуться на них, мокрых от дождя, и погубить все мои труды по обучению. С сожалением хотел было я его отозвать, но вдруг он вильнул своим великолепным, похожим на крыло хвостом, взглянул на меня. Я понял — он говорил:

— Они тут ночевали, а кормились на поляне.

— Как же быть? — спросил я.

Он понюхал цветы: следов не было. И всё стало понятно: дождик смыл всё следы, а те, по которым мы шли, сохранились, потому что были под деревьями. Оставалось сделать новый круг. Но Ярик и полкруга не сделал — остановился возле небольшого, но очень густого куста. Запах тетеревов пахнул ему на всём ходу, и потому он стал в очень странной позе, весь кольцом изогнулся и, если бы хотел, мог во всё удовольствие любоваться своим великолепным хвостом. Я поспешил к нему, огладил и шёпотом сказал:

— Иди, если можно!

Он выпрямился, попробовал шагнуть вперёд, и это оказалось возможно, только очень тихо. Так, обойдя весь куст кругом, он дал мне понять:

— Они тут были во время дождя.

И уже по самому свежему следу повёл, касаясь своими длинными волосами на хвосте самой земли.

Вероятно, они слышали нас и тоже пошли вперёд, — я это понял по Ярику; он мне по-своему доложил:

— Идут впереди нас, и очень близко.

Они все вошли в большой куст можжевельника, и тут Ярик сделал свою последнюю, мёртвую стойку. До сих пор ему ещё можно было время от времени раскрывать рот и хахатать, выпуская свой длинный розовый язык; теперь же челюсти были крепко стиснуты, и только маленький кончик языка, не успевший вовремя убраться в рот, торчал из-под губы, как розовый лепесток. Комар сел на розовый кончик, впился, стал наливаясь, и видно было, как тёмно-коричневая, словно клеёнчатая, тюпка на носу Ярика волновалась от боли и танцевала от запаха, но убрать язык было невозможно: если открыть рот, то оттуда может сильно хахнуть и птиц испугать.

Но я не так волновался, как Ярик, осторожно подошёл, ловким щелчком скинул комара и полюбовался на Ярика сбоку: он стоял с вытянутым в линию спиной хвостом-крылом, а зато в глазах собралась в двух точках вся жизнь.

Тихонько я обошёл куст и стал против Ярика, чтобы птицы не улетели за куст невидимо, а поднялись вверх.

Мы довольно долго так стояли, и, конечно, они в кусту хорошо знали, что мы стоим с двух сторон. Я сделал шаг к кусту и услышал голос тетеревиной матки. Она квохнула и этим сказала детям:

— Лечу, посмотрю, а вы пока посидите.

И со страшным треском вылетела.

Если бы она полетела на меня, то Ярик не тронулся бы, и если бы даже просто пролетела над ним, он не забыл бы, что главная добыча сидит в кусту и какое это страшное преступление — бежать за вылетевшей птицей. Но большая серая, почти с курицу, птица вдруг кувыркнулась в воздухе, подлетела почти к самому Ярикову носу и над самой землёй тихонечко полетела, маня его криком:

— Догоняй же, я летать не умею!

И, как убитая, в десяти шагах упала на траву и по ней побежала, шевеля высокие красные цветы.

Этого Ярик не выдержал и, забыв годы моей науки, ринулся...

Фокус удался. Она отманила зверя от выводка и, крикнув в кусты детям: «Летите, летите все в разные стороны!», сама вдруг взмыла над лесом и была такова. Молодые тетерева разлетелись в разные стороны, и, наверно, слышалось издали Ярику:

— Дурак! Дурак!

— Назад! — крикнул я своему одураченному другу.

Он опомнился и, виноватый, медленно стал подходить. Особенным, жалким голосом я спрашиваю:

— Что ты сделал?

Он лёг.

— Ну, иди же, иди!

Ползёт виноватый, кладёт мне на коленку голову, очень просит простить.

— Ладно, — говорю я, усаживаясь в куст, — лезь за мной, смирно седи, не хахай. Мы сейчас с тобой одурачим всю эту публику.

Минут через десять я тихонько свищу, как тетеревята:

— Фиу, фиу!

Значит: «Где ты, мама?»

— Квох, квох! — отвечает она.

И это значит: «Иду!»

Тогда с разных сторон засвистело, как я:

— Где ты, мама?

— Иду, иду! — всем отвечает она.

Один цыплёнок свистит очень близко от меня. Я ему

отвечаю. Он бежит, и вот я вижу — у меня возле самой коленки шевелится трава.

Посмотрев Ярику в глаза, погрозив ему кулаком, я быстро накрываю ладонью шевелящееся место и вытаскиваю серого, величиною с голубя цыплёнка.

— Ну, понюхай, — тихонько говорю Ярику.

Он отвёртывает нос: боится хамкнуть.

— Нет, брат, нет, — жалким голосом прошу я, — понюхай-ка.

Нюхает, а сам — как паровоз.

Самое сильное наказание.

Вот теперь я уже смело свищу и знаю — непременно прибежит ко мне matka, всех соберёт, одного не хватит, и прибежит за последним.

Их всех, кроме моего, семь. Слышу, как один за другим, отыскав матку, смолкают, и когда все семь смолкли, я, восьмой, спрашиваю:

— Где ты, мама?

— Иди к нам! — отвечает она.

— Фиу, фиу! («Нет, ты веди всех ко мне».)

Идёт, бежит. Вижу, как из травы то тут, то там, как горлышко бутылки, высовывается её шея, а за ней шевелит траву и весь её выводок. Все они сидят от меня в двух шагах. Теперь я говорю Ярику глазами:

— Ну, не будь дураком!

И пускаю своего тетеревёнка. Он хлопает крыльями о куст, и все хлопают, все вздымаются. А мы из кустов с Яриком смотрим вслед улетающим и смеёмся.

— Вот как мы вас одурачили, граждане!

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ КОЛБАСА

Ярик очень подружился с молодым Рябчиком и целый день с ним играл. Так, в игре, он провёл неделю, а потом я пересёхал с ним из города в пустынный домик в лесу, в шести верстах от Рябчика. Не успел я устроиться и как следует осмотреться на новом месте, как вдруг у меня пропадает Ярик. Весь день я искал его, всю ночь не спал, каждый час выходил на терраску и свистал. Утром, только собрался было идти в город, в милицию, являются мои дети с Яриком: он, оказывается, был в гостях у Рябчика. Я ничего не имею против дружбы собак, но нельзя же допускать, чтобы Ярик без разрешения оставлял службу у меня!

— Так не годится, — сказал я строгим голосом. — Это, брат, не служба. А кроме того, ты ушёл без намордника — значит, каждый встречный имеет право тебя застрелить. Безобразный ты пёс!

Я всё высказал суровым голосом, и он выслушал меня, лёжа на траве, виноватый, смущённый, не Ярик — золотистый гордый ирландец, а какая-то рыжая, ничтожная, сплюснутая черепаха.

— Не будешь больше ходить к Рябчику? — спросил я более добрым голосом.

Он прыгнул ко мне на грудь. Это у него значило:

— Никогда не буду, добрый хозяин.

— Перестань лапиться! — сказал я строго.

И простил. Он покатался в траве, встряхнулся и стал обыкновенным хорошим Яриком.

Мы жили в дружбе недолго, всего только неделю, а потом он снова куда-то исчез. Вскоре дети, зная, как я тревожусь о нём, привели беглеца: он опять сделал Рябчику незаконный визит. В этот раз я не стал с ним разговаривать и отправил в тёмный подвал, а детей просил, чтобы в следующий раз они только известили меня, но не приводили и не давали там ему пищи. Мне хотелось сделать, чтобы он вернулся по доброй воле.

В тёмном подвале путешественник пробыл у меня сутки.

Потом, как обыкновенно, я серьёзно поговорил с ним и простил. Наказание подвалом подействовало только на две недели. Дети прибежали ко мне из города:

— Ярик у нас!

— Так ничего же ему не давайте, — велел я. — Пусть проголодается и придёт сам, а я подготовлю ему хорошую встречу.

Прошёл день. Наступила ночь. Я зажёл лампу, сел на диван, стал читать книгу. Налетело на огонь множество бабо-

чек, жуков, всё это стало кружиться возле лампы, валиться на книгу, на шею, путаться и жужжать в волосах. Но закрыть дверь на террасу было нельзя, потому что это был единственный вход, через который мог явиться ожидаемый Ярик. Я, впрочем, не обращал внимания на бабочек и жуков: книга была увлекательной, и шёлковый ветерок, долетая из леса, приятно шумел. Я и читал и слушал музыку леса.

Вдруг мне что-то показалось в уголку глаза. Я быстро поднял голову, и это исчезло. Теперь я стал прилаживаться так читать, чтобы, не поднимая головы, можно было наблюдать порог. Вскоре там показалось нечто рыжее, стало красться в обход стола, и я думаю, мышь слышней пробежала бы, чем это большое подползало под диван. Только знакомое неровное дыхание подсказало мне, что Ярик был под диваном и лежал как раз подо мной. Некоторое время я читаю и жду, но терпения у меня хватило ненадолго. Встаю, выхожу на террасу и начинаю звать Ярика строгим голосом и ласковым, громко и тихо, свистать и даже трубить. Так уверил я лежащего под диваном, что ничего не знаю о его возвращении. Потом я закрыл дверь от бабочек и говорю вслух:

— Верно, Ярик уже не придёт. Пора ужинать.

Слово «ужинать» Ярик знает отлично. Но мне показалось, что после моих слов под диваном прекратилось даже дыхание.

В моём охотничьем столе лежит запас копчёной колбасы, которая чем больше сохнет, тем становится вкуснее. Я очень люблю сухую охотничью колбасу и всегда ем её вместе с Яриком. Бывало, мне довольно только ящиком шевельнуть, чтобы Ярик, спящий колечком, развернулся, как стальная пружина, и подбежал к столу, сверкая огненным взглядом.

Я выдвинул ящик — из-под дивана ни звука. Раздвигаю колени, смотрю вниз — нет ли там на полу рыжего носа. Нет, носа не видно. Режу кусочек, громко жую, заглядываю — нет, хвост не молотит. Начинаю опасаться, не показалась ли мне рыжая тень от сильного ожидания и Ярика вовсе и нет под диваном. Трудно думать, чтобы он, виноват-

тый, не соблазнился даже колбасой — ведь он так любит её. Если я, бывало, возьму кусочек, надрежу, задеру шкурку, чтобы можно было за кончик её держаться пальцами и кусочек её висел бы, как на нитке, то Ярик задерёт нос вверх, стережёт долго и вдруг прыгнет. Но мало того: если я успею во время прыжка отдернуть вверх руку с колбасой, то Ярик так и остаётся на задних ногах, как человек. Я иду с колбасой, а Ярик идёт за мной на двух ногах, опустив передние лапы, как руки, и так мы обходим комнату и раз, и два, и даже больше. Я надеюсь в будущем посредством колбасы вообще приучить ходить его по-человечески и когда-нибудь во время городского гулянья появиться так под руку с рыжим хвостатым товарищем.

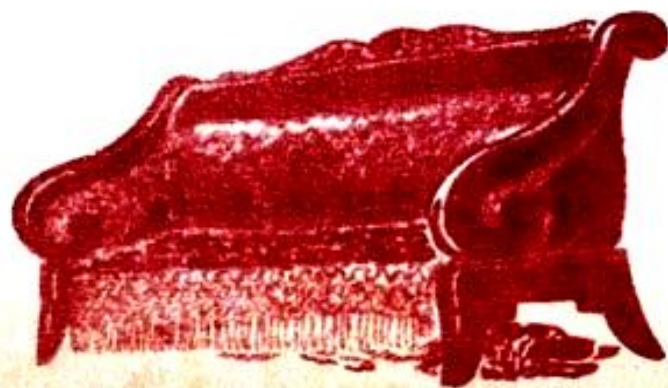
И так вот, зная, как Ярик любит колбасу, я не могу допустить, чтобы он был под диваном. Делаю последний опыт, бросаю вниз не кусочек, а только шкурку и наблюдаю. Но как внимательно я ни смотрю, ничего не могу заметить: шкурка исчезла как будто сама по себе. В другой раз я всё-таки добился: видел, как мелькнул язычок.

Ярик тут, под диваном.

Теперь я отрезаю от колбасы круглый конец с носиком, привязываю нитку за носик и тихонечко спускаю вниз между коленками. Язык показался. Я потянул за нитку — язык скрылся. Переждав немного, спускаю опять — теперь показался нос, потом лапы.

Больше нечего в прятки играть: я вижу его и он меня видит. Поднимаю выше кусочек, Ярик поднимается на задние лапы.

— Пожалуйста, молодой человек!

Мой легавый щенок называется Ромул, но я больше зову его Ромой или просто Ромкой, а изредка величаю его Романом Василичем.

У этого Ромки скорее всего растут лапы и уши. Такие длинные у него выросли уши, что когда вниз посмотрит, так и глаза закрывают, а лапами он часто что-нибудь задевает и сам кувыркается.

Сегодня был такой случай. Поднимался он по каменной лестнице из подвала, зацепил своей лапиной полкирпича, и тот покатился вниз, считая ступеньки.

Ромушка этому очень удивился и стоял наверху, спустив уши на глаза. Долго он смотрел вниз, повёртывая голову то на один бок, то на другой, чтобы ухо отклонилось от глаз и можно было смотреть.

— Вот штука-то, Роман Василич! — сказал я. — Кирпич-то вроде как живой, ведь скачет!

Рома поглядел на меня умно.

— Не очень-то заглядывайся на меня, — сказал я, — не считай галок, а то он соберётся с духом, да вверх поскачет, да тебе даст прямо в нос.

Рома перевёл глаза.

Ему, наверно, очень хотелось побежать и проверить, отчего это мёртвый кирпич вдруг ожил и покатился. Но спуститься было очень опасно: что, если кирпич его схватит и утянет вниз, в тёмный подвал?

— Что же делать-то? — спросил я. — Разве удрать?

Рома взглянул на меня только на одно мгновение, и я хорошо его понял — он хотел мне сказать:

— Я и сам подумываю, как бы удрать, а ну как я повернусь, а он меня схватит за прутик?¹

Нет, и это оказывается невозможным. И так Рома долго стоял, и это была его первая стойка по мёртвому кирпичу

¹ Хвост у пойнтера называется по-охотничьи прутик.

как большие собаки постоянно делают, когда носом чуют в траве живую дичь.

Чем больше стоял Ромка, тем ему становилось страшней — по собачьим чувствам выходит так: чем мертвее затаится враг, тем ужаснее будет, когда он вдруг оживёт и прыгнет.

— Перестою, — твердит про себя Ромка.

И чудится ему, будто кирпич шепчет:

— Перележу.

Но кирпичу можно хоть сто лет лежать, а живому пёсику трудно — устал и дрожит.

Я спрашиваю:

— Что же делать-то, Роман Василич?

Рома ответил по-своему:

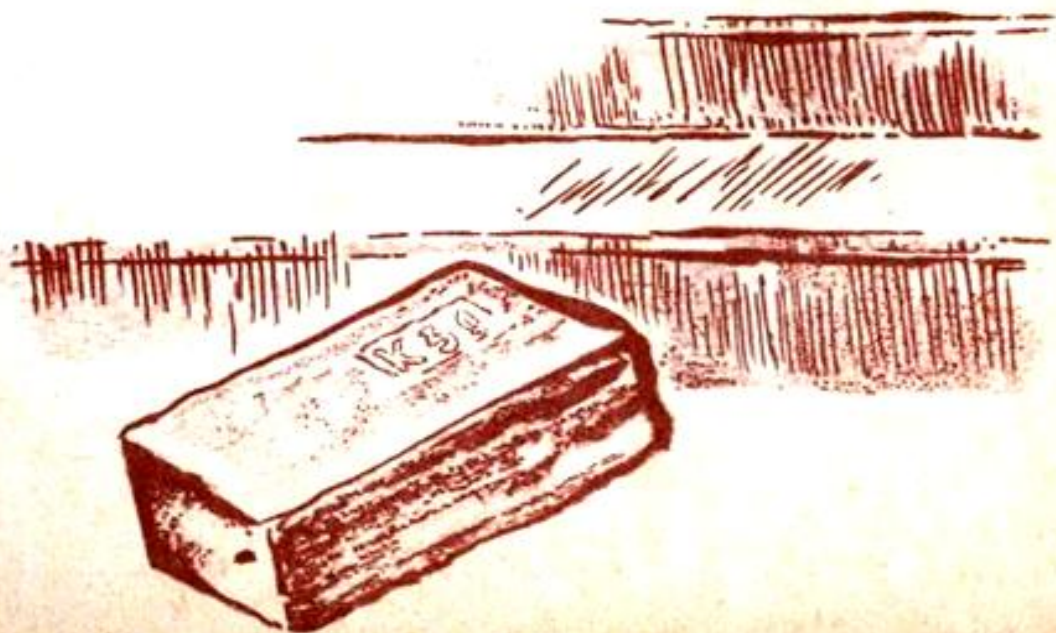
— Разве брехнуть?

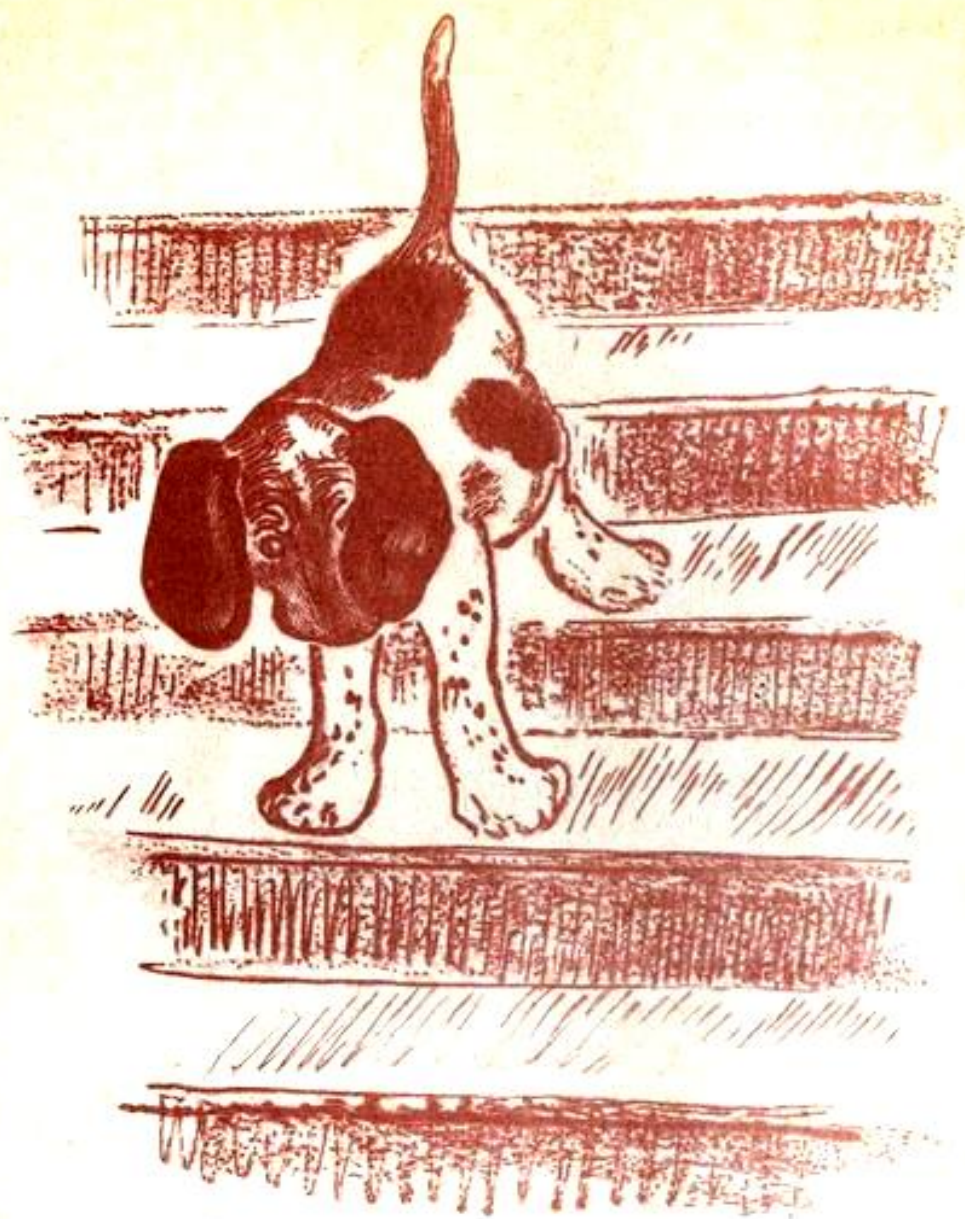
— Вали, — говорю, — лай!

Ромка брехнул и отпрыгнул. Верно, со страху ему показалось, будто он разбудил кирпич и тот чуть-чуть шевельнулся. Стоит, смотрит издали — нет, не вылезает кирпич. Тихонечко подкрадывается, глядит осторожно вниз: лежит.

— Разве ещё раз брехнуть?

Брехнул и отпрыгнул.

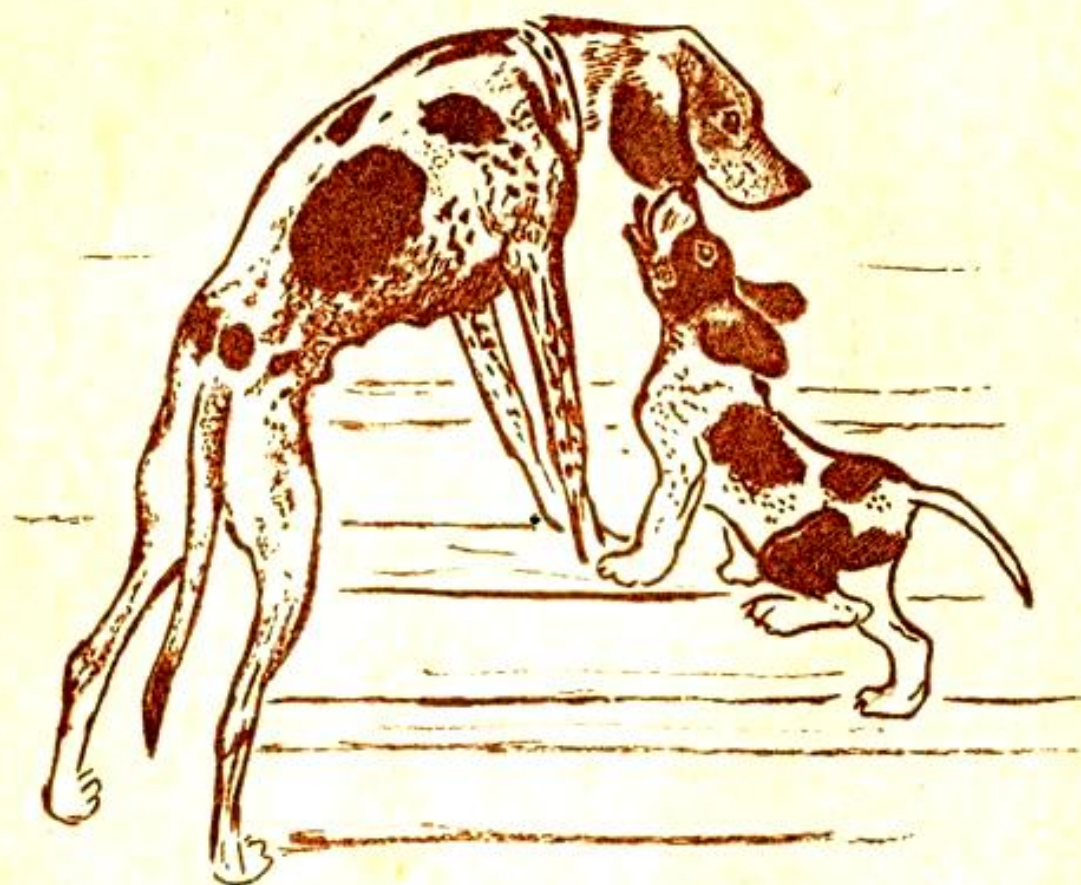

Тогда на лай прибежала Кэт, Ромина мать, впилась глазами в то место, куда лаял сын, и медленно, с лесенки на лесенку, стала спускаться. На это время Ромка, конечно, перестал лаять, доверил это дело матери, а сам глядел вниз много смелее. Кэт узнала по запаху Роминой лапы след на страшном кирпиче, понюхала его: кирпич был совершенно мёртвый и безопасный. Потом, на случай, она постепенно об-

шухала всё, ничего не нашла подозрительного и, повернув голову вверх, глазами сказала сыну:

— Мне кажется, Рома, здесь всё благополучно.

После того Ромул успокоился и завилял прутиком. Кэт стала подниматься; он нагнал мать и принялся тереть её за ухо.

Цена 5 коп.

Для дошкольного возраста

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПРИШВИН

Я Р И К

ИБ № 238

Ответственный редактор Н. А. Терехова. Художественный редактор Н. З. Левинская.
Технический редактор Г. Е. Гафт. Корректор Е. А. Флорова. Слово в набор 22/XI 1977 г.
Подписано к печати 22/III 1978 г. Формат 70×100/16. Бум. офс. № 1. Печать офс. Усл. печ.
л. 1,3. Уч.-изд. л. 0,8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 56. Цена 5 коп. Ордена Трудового Красного
Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Росглавополиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР, Калинин, проспект 50-летия
Октября, 46.

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя